

**Рославлев Александр Степанович**

**Сквозь цветные стекла и другие  
рассказы**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
А46

А46      **Александр Степанович Р.**  
Сквозь цветные стекла и другие рассказы / Рославлев Александр Степанович – М.: Книга  
по Требованию, 2023. – 250 с.

**ISBN 978-5-519-81205-4**

**ISBN 978-5-519-81205-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



# Сквозь цвѣтныя стекла



Когда Петра Ардальоновича звали Петей и бѣгалъ онъ въ матроскѣ, голоногій и шустрый, любимымъ мѣстомъ его въ домѣ была галлерейя съ цвѣтными стеклами. Она помѣщалась во второмъ этажѣ и просторный открывался съ нея видъ: на переливчатую, задумчивую рожь и вившуюся въ ней пыльную дорогу, на березовую рощу, гдѣ съ утра до вечера гамѣли галки, на тихую, нѣжившуюся рѣчку и мостъ черезъ нея, высокій и клѣтчатый.

По утрамъ Петя, прежде чѣмъ нянька успѣвала усадить его за чай, сломя голову летѣлъ на галлерейю и, прикикая то къ одной, то къ другой рамѣ, держа съ боку глазъ щиткомъ руки, глядѣлъ сквозь стекла. То и дѣло кто-нибудь изъ домашнихъ заставлялъ его за этимъ занятіемъ.

Неизъяснимо страннымъ видѣлъ все Петя сквозь стекла. Такое обычное, какъ рожь, роща, облака, становилось удивительнымъ, загадочнымъ — особенно облака. По-малу Петя сталъ различать, какія стекла страшныя и какія не-страшныя. Изъ не-страшныхъ онъ полюбилъ синія. Полюбилъ ясно и радостно, какъ любятъ дѣти. Синее дѣлало все маминымъ, добрымъ, потому маминымъ, что у нея на браслетѣ былъ такой же, какъ стекло, синій камушекъ и Петя считалъ ее добрѣе всѣхъ...

Когда дулъ вѣтеръ, поднимавшаяся съ дороги пыль казалась Петѣ очень похожей на дымъ ладана, ради котораго онъ не уставалъ простаивать всю обѣдню — только пыль была еще синѣе и красивѣе. Петя даже замѣтилъ, что когда его наказывали и онъ плакалъ, стоило ему поглядѣть въ синее стекло — и слезы переставали.

Изъ страшныхъ стеколъ всего страшнѣе было оранжевое. Отъ него облака казались такими же, какъ та желтая вата, которую мама разъ прикладывала къ красной отъ крови рукѣ дворника Ильи. Все, что зналъ Петя въ сказкахъ злого и гадкаго, припоминалось ему,

когда онъ глядѣлъ сквозь оранжевое стекло.

Въ солнечные дни полъ галлерей расцвѣчивался отраженьями стеколъ, тогда Петя доставалъ изъ буфетнаго ящика салфетку, ровно разстилавъ ее на полу, бралъ съ одной стороны за оба уголышка и тянулъ ее къ себѣ. Пятна съ салфетки переползали на полъ и это было очень интересно, но за эту затѣю ему доставалось.

— Ими утираются, — ворчала нянька, — а онъ по полу мызгаетъ.

— Я, няня, чтобъ стеклышки ѣздили... — и Петя удивлялся, какъ нянька не понимаетъ, что безъ салфетки стеклышки ѣздить не могутъ.

Разъ ночью Петя проснулся на рукахъ у отца, завернутый въ одѣяло. Въ комнатахъ все было замутиено густымъ дымомъ, отъ котораго Петѣ защипало глаза. Гдѣ-то спутанно-непонятно кричали. Что-то шумѣло и трещало. Нянька въ одной рубашкѣ волокла по коридору на лѣстницу сундукъ. Когда отецъ бѣжалъ по саду къ флигелю, гдѣ жилъ Иванъ Васильевичъ, управляющій, Петя видѣлъ, какъ надъ крышей дома съ той стороны, гдѣ находилась галлерей, въ

черныхъ клубахъ дыма взвился громад-  
ный огненный лоскутъ и полетѣли искры.

Во флигелѣ отецъ положилъ Петю на диванъ, сунулъ ему подъ голову шелковую вышитую подушку, сказалъ: «Спи и не капризничай» — и ушелъ. Но Петя спать не могъ. Въ саду кто-то жаловался, стоналъ. Петя расплакался и сталъ звать:

— Мама, мама, боюсь...

Но мама пришла не скоро, растрепанная, въ мокромъ платьѣ — заласкала, успокоила.

Утромъ Петя сначала очень удивился, почему онъ не въ дѣтской, но потомъ смутно вспомнилъ, что было ночью.

Когда нянька одѣвала его, онъ сказалъ, что пойдетъ пить чай домой.

— Куда домой? Все, батюшка, сгорѣло. Одни уголечки остались.

Петя не могъ повѣрить, какъ могли остаться одни уголечки отъ такого большого дома.

Не успѣла нянька застегнуть на блузкѣ послѣдней пуговицы, Петя выскользнулъ изъ ея рукъ и въ садъ... Остановился на крыльцѣ. Недоумѣніе, любопытство и растерянность отразились на его кругломъ съ ямочками личикѣ и въ сѣрыхъ, широкихъ глазахъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ раньше стоялъ домъ съ маркизами на балконѣ и окнахъ, теперь торчали изъ-за зелени развороченные остоны печей и поднимался лѣнивый бѣлесоватый дымокъ, дальше желтѣли поля, бѣлѣли стволы роши и струила серебро рѣчка, и Петя понялъ, что галлерей больше нѣтъ и нѣтъ стеклышекъ.

Затрепыхалось, застучало въ грудкѣ. Побѣждалъ по росистой травѣ.

Все было черно, куски бревенъ, плита, а на ней сплюснутый тазъ и котелокъ съ ручками, въ которомъ нянька кипятила воду для Петиней ванны.

Петя не могъ разобратъ, гдѣ была галлерей. Ходилъ по мягко хрустѣвшимъ углямъ и искалъ стеклышекъ — не нашелъ ни одного.

Нянька нашла его сидящимъ на корточкахъ. Онъ рылся въ угольяхъ и плакалъ.

## II.

Петръ Ардальоновичъ занималъ мѣсто прокурора въ видномъ губернскомъ городѣ. То время, когда его звали Петей и онъ бѣгалъ въ матроскѣ, голоногій и шустрый, отошло такъ далеко, что въ

памяти осталось лишь что-то очень туманное и отрывочное; только галерея помнилась ясно. Какъ-то, еще будучи гимназистомъ, онъ въ спорѣ съ товарищемъ сказалъ: «Ну, не знаю, сквозь какое стекло посмотре́ть» — и съ тѣхъ поръ въѣлась въ него эта поговорка. Когда ему хотѣлось въ чемъ-либо оправдаться передъ собой или передъ другими, онъ говорилъ: «Сквозь какое стекло посмотре́ть». Поговоркой этой онъ пользовался неряшливо, и скоро она стала такой же затертой и плоской, какъ и многое въ его жизни. Иногда, говоря ее, онъ чувствовалъ, что она звучитъ пусто, что имъ утраченъ какой-то большой смыслъ, въ который ему все некогда было вдуматься. Въ судѣ, когда его лѣвая рука лежала на страницахъ дѣла, а правая, держа карандашъ, живописными движеніями дополняла слова, онъ нѣсколько разъ обмолвился своей поговоркой, а такъ какъ это могло придать рѣчамъ его оттѣнокъ однообразія, то сталъ слѣдить за собой и говорить медленнѣе.

Прокуроромъ его считали безпощаднымъ и разъ только случилось, что онъ чуть-было не смялъ безспорнаго обвине-

нія. Судился студентъ за убійство. Угрюмый, съ рѣдкой бородкой и свѣтлымъ бобрікомъ, онъ глядѣлъ черезъ синія очки въ полъ и не отвѣчалъ ни на какіе вопросы. Эти-то очки и смутили Петра Ардальоновича. Вспомнилась ему галерея, да такъ ярко, словно видѣлъ ее еще вчера. Онъ началъ рѣчь вяло и неопредѣленно и если бы не нагло-насмѣшливое, жирное лицо защитника, вѣроятно бы окончательно сбился и потерялъ нить. Задѣтое самолюбіе помогло ему быстро справиться съ собой, и онъ повелъ обвиненіе, какъ всегда, вѣско-уничтожающе, а ночью въ кабинетѣ загороднаго ресторана, помѣшивая стебелькомъ пунцовой розы ледъ въ стаканѣ съ виномъ, говорилъ веселоглазой, пышногрудой кокоткѣ о вліяніи настроенія, которое иногда, чортъ знаетъ, отъ чего зависитъ.

### III.

Петра Ардальоновича перенесли изъ палаты въ операціонную и положили на длинный мраморный столъ. Операція предстояла сложная, и какъ ни хотѣлъ Петръ Ардальоновичъ надѣяться на благополучный исходъ, въ лицахъ

врачей было что-то еле уловимое, отъ чего его тяготило жуткое предчувствіе. Высокая, облицованная кафельными изразцами операціонная съ окномъ чуть не во всю стѣну выглядѣла строго и холодно.

Взглянувъ на вату въ банкѣ и на зеркально-блестѣвшіе на столикѣ инструменты, Петръ Ардальоновичъ съ безмѣрной тревогой подумалъ, что сейчасъ все это острое, колючее, изогнутое будетъ кромсать его тѣло, прежде всегда послушное, а теперь какъ будто враждебное ему.

Калабуховъ — знаменитость, обрюзгпій, широконосый старикъ съ плѣшью на затылкѣ, важный и сутуловатый, подошелъ къ нему и взялъ его за руку, за то мѣсто, гдѣ пульсъ.

— Будете начинать?—спросилъ Петръ Ардальоновичъ, стараясь казаться спокойнымъ.

— Да, сейчасъ, — отвѣтилъ тотъ, немного сведя сѣрыя щетки-брови.

Приблизились бѣлые халаты. Одинъ изъ нихъ положилъ на столикъ карманные часы, съ витой золотой цѣпочкой и брелоками, между которыми Петръ Ардальоновичъ замѣтилъ треугольникъ со вставленнымъ въ него стеклышкомъ.